ВГ: Что ждет российскую полимерную промышленность, если политические события пойдут по негативному сценарию?

Ф.К.: В течение 24 месяцев мы можем потерять до 40% рынка — именно столько составляет высококачественный импорт. Причем в эти 40% входят самые технологичные решения, а дальнейшая изоляция отрезает нас от развития. Россия сейчас находится на пороге нового технологического этапа. До последних событий переработчики были готовы инвестировать в закупку технологий, и западные производители шли им навстречу. Этот процесс происходил во всех отраслях ТЭКа, и в полимерной отрасли в частности. Конечно, мы можем спуститься на две ступеньки вниз и покупать оборудование китайского производства. Китайский экструдер может стоить от \$50 тыс. до \$100 тыс., немецкий — от €800 тыс. до €1 млн. Они похожи внешне, но не по производительности, а разнице по качеству продукции как между российской «Ладой Приорой» и немецким «Майбахом».

Самое интересное, что в последние годы российская промышленность развивалась исключительно за счет приобретения новых технологий. В более дешевом сегменте рынка господствуют готовые изделия из Индии. Это товары низкого или среднего качества, но они дешевле, чем произведенные в России. Сейчас есть опасность, что наша промышленность скатится в эту же нишу. Это ставит нас на одну ступень с такими государствами, как Пакистан. Представьте, на полках магазинов будут стоять одинаковые тапки — российского и пакистанского производства. То есть в случае изоляции массовый потребитель получит продукцию, мягко говоря, альтернативного качества. Но еще хуже дела будут обстоять со сложными изделиями, например с полимерами для автомобилестроения.

ВГ: А может быть, это станет толчком для российской промышленности, чтобы построить импортозамещающие производства?

Ф.К.: За последние 20 лет при наличии колоссальных финансовых возможностей мы имели все шансы построить в России мощную полимерную отрасль, но так этого и не сделали. Теперь будем догонять в условиях изоляции и оттока инвестиций? Никто мне не докажет, что это возможно. Для такого рывка понадобится минимум 15, а то и 20 лет. Делу не поможет даже строительство какого-то мощного производства, какой-нибудь новый суперпроект. Производство полимеров — это многокомпонентный про-

цесс, который не зависит только от наличия сырья. Нужны отвердители, катализаторы, различные марки сырья. Если у вас есть два компонента, а третьего нет, это сводит все усилия к нулю. Ведь мы в России не производим даже катализаторов для производства простейшего полиэтилена, его привозят с того же завода, который изготавливает оборудование.

Есть еще вопрос компонентов, запчастей, технического и технологического обслуживания. Даже если вы успели купить экструдер, его необходимо обслуживать. Европейская практика подразумевала такую схему: сегодня мы даем вам скидку на технологичное оборудование, но в будущем возьмем вас на обслуживание и на этом будем зарабатывать. Как быть, если сегодня эти контракты не будут выполняться? Все российские переработчики, установившие качественные линии, сегодня зависят от этих контрактов.

ВГ: Но ведь даже в случае изоляции будут бизнесмены, которые найдут обходные пути...

Ф.К.: Никто из европейских бизнесменов сейчас не хочет уходить из России, но решение о санкциях не является экономическим. Если политические решения будут приняты в Европе, в Японии и в США, бизнес прислушается. Все производители предпочтут потерять миллиард или два долларов, но сохранить отношения со своими правительствами.

ВГ: Что нам помешает в таком случае переориентироваться на поставки из Азии?

Ф.К.: Теоретически мы можем заменить немецкое оборудование на корейское. И присутствие азиатских поставщиков в России уже есть. Но давайте посчитаем хотя бы такой фактор, как логистика. Машина, выезжая из Гамбурга, оказывается в России в течение трех дней. Контейнер из Сеула доставляют от 45 до 60 дней. За это время цена на сырье может измениться несколько раз — она очень волатильна. Тем более что поставки из Азии идут по спотовым контрактам. Кроме того, азиатский рынок и так развивается неплохо, и на сегодняшний день с нами работают по остаточному принципу. А если их рынок будет развиваться так, что спрос опередит предложение? Россия просто останется без продукта. С Европой мы выстраивали отношения в течение 40 последних лет. Никто мне не докажет, что за пару лет мы выстроим такие же отношения с Азией.

своего правительства, то тогда другой вопрос. Например, когда была объявлена тотальная блокада Кубы, Испания не присоединилась к этой блокаде. Она продолжала и продолжает сотрудничать с Кубой, поставляя туда товары, услуги и прочее.

— Что будет происходить с ценами на сырье?

— Цены на сырье — это отдельная тема. Правда, иногда их используют в политических играх. Сегодня, на мой взгляд, этого не должно происходить, потому что Соединенные Штаты заинтересованы в высоких ценах на нефть. Потому что при высоких ценах на нефть добыча в более тя-

желых условиях нефти или того же сланцевого газа более рентабельны. Когда цена на нефть падает ниже определенного порога, это сказывается на всем комплексе, а им уничтожать собственную экономику тоже не хочется. Поэтому такого простого решения, как падение цены на нефть, вряд ли стоит ожидать.

— Сколько процентов составляет на сегодня высокотехнологический импорт в Башкирию, какую часть рынка мы можем потерять?

— Про процентное соотношение я не могу рассуждать. Знаю, что по нефтяной отрасли, по газовой, по добыче, по транспорту, по переработке нефти — это не-

большая доля. Если мы можем посмотреть, что же могут поставить российские компании, то эта доля окажется небольшой, всего несколько процентов. Ощутимого влияния не будет. Если говорить про реагенты, которые используются при переработке, то их могут делать российские компании. И уже делают. Вопрос по присадкам — импортозамещение уже имеется. Катализаторы большей частью импортные, но практически у нас имеются или аналоги, или производимые в России. Крупнотоннажное оборудование производится или может производиться в России. Есть проблемы по насосному и компрессорному оборудованию, потому

ВГ: А есть такие игроки, которые почувствуют позитивный эффект от изоляции? Может быть, это будут российские производители полимерного сырья, такие гиганты, как ЛУКОЙЛ или «Сибур»?

Ф.К.: Ничего подобного, никто не почувствует позитива от изоляции, за исключением игроков черного рынка, которые могут очень быстро появиться. В Россию может вернуться термин, которого не было двадцать лет, — «черный рынок». Для чего в таком случае мы работали последние 20 лет? Конечно, мы многое успели сделать, но недостаточно, чтобы Россия стала независимой от всего мира. Да у нас и не было такой цели: мы хотели интегрироваться в Европу, вот и в ВТО вступили.

ВГ: Вряд ли кто-нибудь сейчас четко понимает, как будет развиваться ситуация с санкциями. А для вас какой сигнал будет означать, что ситуация исправляется?

Ф.К.: Только приток капитала в большом количестве. Причем не того российского капитала, который находился за границей, а теперь возвращается, боясь санкций или конфискации. Нужен приток настоящего крупного капитала. Нужны не заявления об инвестициях, а конкретные вложения западных корпораций живыми деньгами или акциями. Если я увижу, что приток капитала по году — \$150 млрд, я пойму, что дела пошли нормально.

ВГ: Что-то не верится, что это возможно. Есть ли какой-то оптимистический прогноз, но более реалистичный?

Ф.К.: Не забывайте, что еще до политических неурядиц российский рынок и так был в управленческо-монополистической стагнации, а в последние месяцы 2013 года подходил к рецессии. И вот, не решая экономических вопросов, мы вошли еще и в политический кризис. Даже если ситуация не будет развиваться в негативную сторону, на рынке появляется неопределенность, а это самое плохое для любого предпринимателя или корпорации. И если санкции отменят, это не значит, что тяжелая ситуация выправится. Нам по-прежнему придется преодолевать стагнацию, но, по крайней мере, это легче сделать без международной изоляции. Я не могу указывать политическому руководству путь, по которому двигаться. Все, что я могу, — это говорить, что в экономике мы идем не по тому пути. Наверное, меня назовут диссидентом, но замалчивать правду сейчас нельзя. Я призываю всех открыто указывать на имеющиеся проблемы. ■

что российское качество пока неудовлетворительное. Большая проблема будет по средствам автоматизации при закрытии поставок. Это поставки из компаний европейских и американских. Но это все решаемо.

— Станет ли складывающаяся ситуация толчком для российской промышленности? Будут ли активно появляться импортозамещающие производства?

— Однозначно. На мой взгляд, этот информационный шум уже способствует тому, что власть стала уделять больше внимания отечественному производителю. Они ощутят позитивные тенденции.

БЕСЕДОВАЛ ЛИЛИЯ РАЯНОВА